

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИАЛОГЕ ЭПОХ И КУЛЬТУР

«СКАЗАНИЕ О ЮРИИ СВЯТОСЛАВИЧЕ И ИУЛИАНИИ ВЯЗЕМСКОЙ»: ЛЕТОПИСНЫЕ, ФОЛЬКЛОРНЫЕ И АВТОРСКИЕ ВЕРСИИ

В. В. Кузнецов

Независимый исследователь, г. Торжок

В статье рассматривается история появления памятника древнерусской литературы XVI в. «Сказание о Юрии Святославиче и Иулиании Вяземской», его влияние на авторские литературные тексты и произведения народной несказочной прозы.

Ключевые слова: «Сказание о Юрии Смоленском и Иулиании Вяземской», А. М. Бакунин, В. Ф. Владиславлев, В. М. Чуфарин, Торжок, предание, летопись, авторское творчество.

В 1406 г. смоленский князь Юрий Святославич, изгнанный литовцами из своего княжества, получил в удел от великого князя владимирского и московского Василия Дмитриевича город Торжок. Соправителем Юрия был вяземский князь Симеон Мстиславич, владения которого также были захвачены Литвой. Юрий воспылил страстью к жене Симеона Иулиании и, будучи отвергнут, убил ее мужа и ее саму, приказав отрубить ей руки и ноги, а тело бросить в реку. После этого он бежал в Золотую Орду и там или в одном из монастырей Рязанской земли скончался. Такова суть события, о котором идет речь в этой статье.

1. Летописные источники «Сказания». Главным источником наших знаний о трагедии, происшедшей в Торжке в 1406 г., являются летописи. Большинство из них в целом схоже описывают убиение Симеона и Иулиании. В качестве «эталонного» примера приведем свидетельство Холмогорской летописи (сер. XVI в.): «Князь Юрье Смоленский отъехал из Новагорода на Москву, и князь великий дал ему Торжек. Он убил тут неповинно служащего ему князя Семена Мстиславича Вяземского и его княгиню, уязвив своим похотением оканным на его подружие. Она же, предобрая мужелюбица, мужески воспротивилась ему, и взявши нож, и удари его в мышцу на ложе его. Он же ту и уби ея,

руце и нозе отсече и в реку верже. И с того князь Юрье сбежа к Орде» [14, с. 94].

Иначе история Иулиании представлена в Устюжских летописях (Устюжская летопись по списку Мациевича, Архангелогородский летописец; XVI–XVIII вв.): «И на пиру у себя князь Юрье убил князя Семена Мстиславича, а княгиню на постелю взял силно. Княгиня же князь Семенова, не хотя тела своего осквернити, возьмь нож князь Юрьев и с постели хотяше ударити князь Юрья в гортань. Он же защитився рукою, и удари его в мышку, и побеже. Князь Юрье похвати меч, и догна ея на дворе, и сече ю, а сам побеже в Орду и на Рязани у игумена Петра преставися» [15, с. 39]. Отсечение рук и ног Иулиании и сбрасывание ее тела в реку в названных источниках не упоминаются. Эти детали убийства отсутствуют также в Сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг. и Русском Хронографе 1512 г., что может объясняться как краткостью изложения событий в этих летописях, так и тем, что Устюжские летописи и Сокращенные своды имеют общий протограф — Кирило-Белозерский летописный свод 1473 г. [8, с. 185–186, 190–203]. Однако остальные подробности трагедии не находят даже близких соответствий в других летописях. Своеобразие описания убийства Иулиании и Симеона в Устюжских летописях свидетельствует о том, что оно скорее всего представляет собой результат авторского творчества. Для нашей темы важно отметить, что именно свидетельство Устюжского летописного свода (Архангелогородского летописца) Н. М. Карамзин использовал в качестве источника для описания новоторжской трагедии в «Истории государства Российского». Свой выбор он мотивировал тем, что в этом источнике обстоятельства убийства Иулиании «рассказаны яснее», чем в других летописях, в которых Юрий убивает Симеона «после неудачи своей в насилии» [4, с. 184–185, примеч. 196]. Действительно, история Иулиании в Устюжских летописях представляет собой небольшое литературное произведение с отчетливо выраженным сюжетом. Очевидно, Н. М. Карамзин, который был не только историком, но и литератором, увидел в летописной статье колоритную картину, способную воздействовать на воображение и чувства читателя.

Другим летописным источником, оказавшим значительное влияние на судьбу истории Иулиании в литературе и фольклоре, является Никоновская летопись — крупнейший памятник русского летописания XVI в. В ней описание новоторжской трагедии содержит вставки, которых нет в других летописях. Наиболее значимой из них является вставка слов Иулиании, которыми она пытается остановить греховные устремления Юрия. В другой вставке говорится о невиновности Симеона в том, что его жена ударила Юрия ножом: он не учил ее подобному поведению. Еще одна вставка развивает свидетельства некоторых летописей о том, что Юрий не убивал Иулианию своими руками — это по его приказу сделали другие. «И онъ <Юрий. — В. К.> тамо убиль неповинна служащаго ему князя Семена Мстиславичя Вяземскаго и его княгиню Ульану; уязвибося плотскимъ хотениемъ на его подружие и взя ю къ себе, хотя съ нею жити; она же не хотяше сего сотворити и глаголаше къ нему: „о княже, что сие

мыслиши? како азъ могу мужа своего, жива суца, оставити и къ тебе поити? “ Онъ же въсхоте леци съ нею, она же съпротивися ему и, вземъ ножь, удари его въ мышцу. Онъ же зело възъярися и вскоре самъ уби мужа ея князя Семена Мстиславича Вяземскаго, служащаго ему *и за него кровь проливающа и неповинна суца ему, ниже бо онъ научи ея сице сътворити*, и сице его убиль, а ей повеле руки и ноги отсеци и воврещи въ воду; *они же повеленное сотвориша* и въ воду ввергоша» [12, с. 198]. Как убедительно доказал Б. М. Клосс, автором всех дополнений и вставок в Никоновской летописи был ее редактор-составитель митрополит Московский и всея Руси Даниил (1522–1539) [5, с. 96–134]. По всей видимости, его же следует считать и автором вставок в рассказ об Иулиании и Юрии.

2. Появление «Сказания», его редакции. Новоторжская трагедия в изложении Никоновской летописи получила развитие в «Книге царского родословия» (так называемой «Степенной книге»), созданной в 1560–1563 гг. протопопом Благовещенского собора Московского кремля, духовником Ивана Грозного Афанасием (в миру Андрей). Он принадлежал к литературному кружку митрополита Макария, участвовал в его обширных мероприятиях и в 1564 г. сам стал митрополитом Московским и Всея Руси [9, с. 73–78]. Главная цель Степенной книги — доказать, что история Руси — это результат деятельности русских князей, а ее кульминацией стало возвышение князей московских. Вследствие этого членение излагаемого исторического материала на разделы (степени) делается не по великим княжениям, а по княжениям московским. Поскольку убийство Симеона и Иулиании произошло в правление Василия Дмитриевича, то повествование о нем включено в степень, посвященную этому князю. Оно образует в ней отдельную главу, которая называется «О великом князе Юрьи Святославичи Смоленском и о князе Семионе Мьстиславичи Вяземском и о княгине его Ульяне, иже мученически сконьчася» (13 степень, 26 глава) [13, с. 444–446]. Юрий Святославич был родственником Василия Дмитриевича: его дочь была замужем за братом Василия, поэтому главное внимание в тексте главы уделено ему, а история Иулиании является частью рассказа о злключениях князя, эпизодом в его несчастной судьбе. Очевидно, что злодеяние, совершенное Юрием в Торжке, совершенно не соответствовало замыслу Степенной книги, поэтому автор старается всячески обелить его: он многословно рассказывает о раскаянии князя, его тяжелом душевном состоянии и стремлении к добродетельной и богоугодной жизни. Описания душевных мук Юрия после совершенного им убийства более чем в три раза превышают упоминание о добродетельности Иулиании. Собственно, единственным свидетельством целомудрия княгини является ее обращение к Юрию, созданное на основе упоминавшейся выше вставки в Никоновской летописи: «По чьто, господине, всеу подвизаешися и яко вотьще сие неподобное дело умышляеши, еже не имать быти? Веси, господине, яко мужа имамаъ. И како мощно ми честное его ложе осквернити? Уне ми есть умрети, нежели таковое неподобное дело сотворити. Аще ли не останешися сего осквернения, уязвень отъ мене имаши быти» [13, с. 445].

Текст Степенной книги М. О. Скрипиль обозначил как первую редакцию «Сказания» [16, с. 160–175]. В XVII–XVIII вв. оно бытовало в рукописях как самостоятельное произведение, вследствие чего утратило то назначение, которое имело в составе Степенной книги, и было переработано. М. О. Скрипиль (единственный ученый, посвятивший исследованию «Сказания» отдельную работу) выделяет две переделки первоначальной редакции этого памятника. Одна из переделок — вторая редакция — озаглавлена так: «Сказание о убиении святого князя Симеона Мстиславича Вяземского и целомудренный его княгини Иулиании и о князе Юрии Смоленском» [16, с. 172]. В центре внимания автора уже не Юрий Святославич, а история убийства, но рассказ о нем сильно сокращен. По сути, это краткая записка о происшедшей трагедии, по объему и стилистике приближающаяся к летописной статье. Вместе с тем сведения о судьбе Юрия после совершения убийства занимают почти треть текста: очевидно, прижизненное воздаяние, которое Юрий получил за совершенный грех, интересовало автора не менее самой трагедии в Торжке. Дальнейшее смещение акцента с личности Юрия происходит в третьей редакции «Сказания», которая называется «Повесть о благоверной княгине Иулиании, супружнице великого князя Симеона Мстиславича Вяземского» [16, с. 172–175]. Как видно из названия, ее автора интересует только благоверная и целомудренная княгиня Иулиания. Он убрал из первоначальной редакции «Сказания» все, что не имеет отношения к любовной трагедии в Торжке, и написал новое окончание в стиле агиографических произведений. В нем рассказывается о том, как некий больной крестьянин, идя по берегу реки Тверцы, увидел тело Иулиании, плывущее против течения, и услышал исходящий от него голос княгини, просившей похоронить ее тело в Спасо-Преображенском соборе Торжка, что и было исполнено. Именно эта редакция стала основой официального жития святой, постепенно пополняясь ее посмертными чудесами.

Следует отметить, что последовательность, в которой тексты редакций «Сказания» приводятся в работе М. О. Скрипиля, не отражает хронологию их появления: вторая и третья редакции содержатся в рукописных Сборниках XVII–XVIII вв., а первая — в Сборнике второй половины XVII в.; по полноте отражения изначального текста Степенной книги к ней ближе третья, а не вторая редакция.

3. Фольклорная интерпретация. В 1862 г. были опубликованы «Записки о Торжке» некоего С. Сухаржевского. В них приводится записанное автором в Торжке предание об Иулиании [17, с. 14–17]. Его сюжет довольно значительно отличается от сюжета «Сказания» во всех его реакциях. В предании появляются новые персонажи и мотивы, которые сближают его с новеллистическими бытовыми сказками на семейные темы. Чтобы добиться расположения Иулиании, Юрий отправляет Симеона с различными поручениями из Торжка. Не достигнув желаемого, он обращается к колдуну. Тот сначала дает князю приворотное зелье, а затем волшебный порошок, который следует бросить в глаза Иулиании, отчего Юрий покажется ей необыкновенно красивым. После чего

ему следовало перебежать дорогу княгини, чтобы «пересечь таинственную связь, соединяющую Симеона и Иулианию», и она «с этих пор только и будет думать о Юрии». Однако Иулиании удастся избежать колдовских уловок князя, и он решает силой овладеть ею. Чтобы придать себе смелости, Юрий устраивает попойку со своими приятелями, в разгар которой неожиданно появляется Симеон, отосланный до этого в очередной раз с поручением. Юрий, видя в нем главное препятствие для своих устремлений, пытается его убить, но сын его Федор удерживает его. После этого Юрий, заключив Симеона в оковы, бросает его в «подполье», а сам отправляется к дому Иулиании. Он влезает в окно ее спальни и пытается осуществить свой замысел. Она сначала старается вразумить князя, а затем ранит его ножом. Юрий, решив, что Иулиания станет сговорчивее, если ее мужа не будет в живых, отрубает Симеону голову и является с ней к Иулиании. Ошеломленная княгиня бросается к Юрию, чтобы отнять у него голову мужа, но тот, думая, что она хочет его убить, выхватывает меч и одним ударом убивает ее. Затем он отрубает Иулиании руки и ноги и выбрасывает их и тело в Тверцу, после чего с несколькими своими боярами тайно покидает Торжок.

Наряду с элементами фольклорного происхождения в предании содержатся отсылки к историческим текстам. Эпизод с отрубленной головой Симеона скорее всего навеян житием прп. Ефрема Новоторжского, согласно которому он был похоронен в основанном им Борисоглебском монастыре с головой своего брата Георгия, убитого вместе с князем Борисом Владимировичем в 1015 г. Преподобный Ефрем был самым почитаемым в Торжке святым, и его житие было хорошо известно горожанам. Описание посягательств Юрия на Иулианию и детали ее убийства (отрубание рук и ног, сбрасывание тела в реку) основаны на первой или третьей редакции «Сказания». Об этом свидетельствует речь Иулиании, которой она пытается остановить Юрия. Ср.:

Сказание

По чьто, господине, всуе подвизаешися и яко вотще сие неподобное дело умышляеши, еже не имать быти? Веси, господине, яко мужа имамъ. И како мощно ми честное его ложе осквернити? Уне ми есть умрети, нежели таковое неподобное дело сотворити. Аще ли не останешися сего осквернения, уязвень отъ мене имаши быти.

Текст С. Сухаржевского

Почто, княже, всуе подвизаешися и вотще сие неподобное дело делаеши; ты знаешь, княже, что мужа имею, и како можно мне честное это ложе осквернити? лучше умру, нежели таковое дело сотворю. А если ты не оставишь своего помышления, то уязвен будеши от меня.

Трудно сказать, является ли это совпадение следствием того, что информант Сухаржевского знал «Сказание», или это результат авторской корректировки новоторжского предания. О том, что Сухаржевский сверял записанный текст с летописными источниками, он сам пишет в своей публикации: «Предание это имеет чрезвычайно много общего с известиями летописцев» [17, с. 17]. Упоминание в предании попойки, устроенной Юрием, отсылает к рассказу об убийстве Иулиании и Симеона в «Истории государства Российского» Н. М. Ка-

рамзина. Это позволяет установить время появления новоторжского предания — не раньше первой трети XIX в. Возможное предположение о том, что указанный эпизод предания был заимствован из летописного источника, описывавшего убийство Иулиании и Симеона аналогично Устюжским летописям, кажется маловероятным.

4. Авторские версии. По-видимому, первым авторским поэтическим осмыслением новоторжской трагедии является поэма А. М. Бакунина «Торжок», написанная в 1820–1830-х гг. [1, с. 118–129]. Для автора событие, происшедшее в Торжке в начале XV в., — это часть занимательной истории города и истории России в целом. Оно описывается как авантюрное приключение, любовный треугольник, в котором есть добродетельный муж, целомудренная красавица жена и злодей-соблазнитель. Убийство супружеской четы является для Бакунина фоном манифестации своих философско-этических взглядов и гендерных установок, зачастую весьма далеких от тех нравственных ценностей, которыми руководствовались люди в эпоху Симеона и Иулиании. Ср., например: «И сладко б жизнь их протекала <Иулиании и Симеона. — В. К.>, / Когда б поболее ума, / Чем совести, вдвоем имели, / А эта совесть — ох, беда! — / Помехою во всяком деле / И не годится никуда. <...> Что для того цветы родятся, / Чтоб мошечки сосали мед, / И добродетель вешний лед, / И нечего ее бояться. / Но целомудрие — притворство / Или невольное покорство / Самодержавию мужей. <...> И как весело так жить, / Где любезность не боится / Злоязычия людей / И победами гордится / Умной муж жены своей» [1, с. 120, 122]. В общем история Иулиании, Симеона и Юрия в поэме Бакунина представляет собой пересказ фавулы «Сказания» или, что более вероятно, пересказ жития святой, завернутый в поэтическую вуаль дворянской усадебной культуры. Кроме жития источником вдохновения для Бакунина была «История государства Российского» Карамзина и исторические труды его предшественников. Так, например, рассуждения Бакунина о двух типах любви находят соответствие в пространном пассаже на эту же тему князя М. Щербатова, который в своей «Истории российской от древнейших времен» также затрагивал новоторжскую трагедию. Ср. у Бакунина: «Два рода есть любви на свете; / Одна — сочувствие небес / И с чистой совестью в совете, / Другая — настоящий бес, / И он-то Юрием владеет...» [1, с. 122]; у Щербатова: «Сия страсть, различно действующая по различным расположениям сердец, в наполненных добродетелью, утвержденною хорошим воспитанием, лишь нежность производит <...> Другие же, не имеющие ни сея нежности, ни сея добродетели, в несчастливой любви в совершенное отчаяние впадают и, не разбирая способов, употребляют всякие для удовольствования своя виновные страсти...» [20, с. 23].

Совершенно иное авторское осмысление новоторжской трагедии обнаруживается в статье церковного писателя протоиерея В. Ф. Владиславлева, опубликованной в 1883 г. [2]. Свое описание событий в Торжке Владиславлев основывает на «рукописном житии благоверной княгини Иулиании, хранящемся в Новоторжском соборном храме», отрывок из которого он приводит в снос-

ке. Этот текст почти дословно повторяет фрагмент первой редакции «Сказания» и полностью совпадает с его третьей редакцией. Особый интерес в работе Владиславлева представляет новоторжское происхождение Иулиании. В исследовании упоминаются существенные подробности детства Иулиании: она «была дочь благочестивых и знатных родителей; отец ее, Максим Данилович Гостомыслов, принадлежал к числу великокняжеских бояр и новгородцами поставлен был наместником в городе Торжке; но там в 1391 году был убит за приверженность его к великому князю московскому Василию Дмитриевичу. Супруга его Мария Никитишна не могла пережить смерти своего мужа и через несколько месяцев после его убиения от тоски и горя предала дух свой Богу. Умирая, она поручила четырехлетнюю дочь свою Иульянию брату своего мужа Феодору Даниловичу, который и заступил для малютки место отца и воспитывал ее в духе истинного благочестия» [2, № 23, с. 696]. Действительно, в летописях говорится, что в 1393 (а не в 1391) г. «убиша новоторжьци доброхота великого князя новоторжьца Максима на Велик день» [11, с. 123]. Однако Максим назван боярином только в Никоновской летописи, о том же, что он был новгородским наместником в Торжке, ни в каких источниках ничего не говорится. Фактов, подтверждающих, что он имел отца по имени Даниил, также нет. В отцы ему Владиславлев мог приписать Данилу Кузмина, который упоминается в новгородских летописях под 1358 г. как один из строителей церкви Двенадцати Апостолов в Новгороде и с Торжком никак не связан [3, с. 5–11; 10, с. 63]. Фамилия отца Иулиании образована от имени первого полулегендарного новгородского посадника или старейшины Гостомысла. Несмотря на то что Иулиания и ее отец не могли носить фамилию Гостомыслы, поскольку в XV в. фамилий не существовало, сам факт ее выбора весьма интересен. В Иоакимовской летописи Гостомысл называется первым новгородским князем, объединившим племена Северной Руси; в соответствии с его предсмертной волей на Русь и был призван Рюрик с братьями [18, с. 33–34]. Таким образом, Иулиания оказывается потомком первого русского князя дорюриковой эпохи, «санкционировавшего» начало русской истории, и дальней родственницей княгини Ольги, которая, согласно Иоакимовской летописи, также была «от рода Гостомысла» [18, с. 35, 48].

Подробности новоторжского происхождения Иулиании позволяют однозначно заключить, что оно является плодом авторского творчества. Кроме Владиславлева, придумать его мог князь А. В. Долгорукий (1813/1815 — не ранее 1884) — весьма незаурядный человек, автор труда по истории рода Долгоруких и работ по животному магнетизму, который он довольно успешно практиковал. С 1833 по 1834 и с 1863 до своей кончины он жил в Торжке. Здесь, получив чудесное исцеление от иконы св. Иулиании, Долгорукий сделался ревностным почитателем княгини и стал считать себя ее потомком [2, № 23, с. 710–711]. Он предпринял раскопки на берегу Тверцы у Спасо-Преображенского собора, где, согласно местному преданию, было обнаружено плавающее тело Иулиании. Целью раскопок был подземный ход, якобы шедший от собора под Тверцой на

ее противоположный берег [6, с. 13]. По-видимому, сведения о нем Долгорукий почерпнул не только из местных легенд, но и из поэмы Бакунина «Торжок», в которой строительство этого сооружения увязано с погребением Иулиании в Спасо-Преображенском соборе. В 1865 г. князь и его дочь подали прошение в Святейший Синод «о разрешении переставить за их счет гробницу благоверной княгини Иулиании Новоторжской из тесного и сырого склепа в собор и дополнить древние сказания о святой новыми, допросив для того их, просителей, и священника Знаменской церкви Торжка» [7, с. 55]. Человек, написавший труд по истории своего рода, совмещавший увлечение магнетизмом с истовым почитанием св. Иулиании, искавший подземный ход около места ее погребения, считавший княгиню своей дальней родственницей и собиравшийся дополнить «древние сказания о святой новыми», вполне мог сочинить ее новоторжское происхождение.

На происхождении Иулиании из Торжка отчасти основан сюжет поэмы «Улиания» новоторжского поэта В. М. Чуфарина, опубликованной, что важно отметить, год спустя после статьи В. Ф. Владиславлева [19]. В этом произведении просматриваются некоторые параллели с преданием, записанным С. Сухаржевским. В поэме Юрий просит устроить встречу с Иулианией ее служанку; в предании колдун, давая Юрию приворотное зелье, рекомендует уговорить служанку Иулиании подлить его в какое-нибудь питье княгини; этот колдун угадывается в знахаре из поэмы, которого Юрий призывает для того, чтобы излечиться от любовного недуга. Полное соответствие текстов предания и поэмы Чуфарина обнаруживается в словах Иулиании, сказанных служанкам по поводу домогательств Юрия.

Поэма

И обнял князь ее, целуя...
Княгиню девушки зовут...
«Пусти!...» Бежит она... Встречают
Ее служанки: «Что с тобой?»
«Змея, змея там!...» — Провожают
Ульяну в княжеский покой.

Текст С. Сухаржевского

Княгиня тот же вечер отправилась гулять с девушкой. Юрий сидел уже за кустом и дожидался ее. Княгиня шла задумавшись, опустив голову на грудь. Когда она стала подходить к кусту, где сидел Юрий, он выглянул. Ульяна увидела и, испугавшись, отшатнулась назад. Служанка спросила ее: что, змея? Змея! отвечала княгиня и бросилась бежать домой.

В рассказе об обретении тела Иулиании Чуфарин ссылается на «одно сказанье, забытой древности преданье». Однако в предании, записанном Сухаржевским, об этом ничего не говорится, а следующий далее текст поэмы является поэтическим переложением концовки третьей редакции «Сказания» или той части жития святой, которая создана на ее основе. Поэма отличается от «Сказания» и жития тем, что голос Иулиании, указывавшей место, где находится ее тело, слышит не безымянный больной крестьянин, а «отшельник некий в сновиденьи». Если это не поэтический вымысел Чуфарина, то тогда мы имеем дело с обрывком какого-то неизвестного предания, в котором обретение тела Иулиании в целом описывалось так же, как в третьей редакции «Сказания», но имело с ним некоторые расхождения. В этой связи следует отметить, что в публика-

ции М. О. Скрипиля приводятся два схожих варианта окончания третьей редакции, и в них присутствуют такие подробности обретения тела Иулиании, которые мог описать только тот, кто хорошо знал топографию Торжка. В таком случае не стоит ли поставить вопрос о новоторжском происхождении третьей редакции «Сказания»? И не ее ли в качестве жития св. Иулиании изучал в Спасо-Преображенском соборе В. Ф. Владиславлев?

Подведем **некоторые итоги**. «Сказание о Юрии Святославиче и Иулиании Вяземской» появилось в результате осмысления и интерпретации церковными деятелями XVI в. летописных известий об убийстве в Торжке в 1406 г. смоленским князем Юрием Святославичем вяземского князя Симеона и его жены. Даниил в Никоновской летописи и Афанасий в Степенной книге, описывая новоторжскую трагедию, в целом фокусировали свое внимание на ее морально-нравственном аспекте. Именно поэтому все вставки и дополнения в Никоновской летописи и их развитие в Степенной книге служат для создания определенных характеристик нравственного облика Иулиании, Симеона и Юрия, и все они, в конечном счете, носят назидательный характер. При этом в содержании вставок и дополнений угадывается мироощущение представителей высших церковных и государственных кругов. Выше уже упоминалась вставка в Никоновской летописи, в которой говорится о невиновности Симеона в том, что его жена ударила Юрия ножом, так как он не учил ее подобному поведению. За этим весьма странным, с точки зрения современного человека, пассажем скрывается система феодальных отношений. Смоленский князь Юрий считался старшим по отношению к вяземскому князю Симеону, поскольку Вяземское княжество входило в состав Смоленского, и Симеон, таким образом, был вассалом Юрия. Эти же отношения также проявляются в одном эпизоде Степенной книги, который не имеет соответствий в других летописях. Юрий, воспылав блудной страстью к Иулиании «взят ю к себе, хотя с нею смеситися, *яко господьскую власть над нею имея*»: по мнению автора Степенной книги Афанасия, Юрий был прав.

Эти два видения истории Иулиании в той или иной степени прослеживаются во всех произведениях, рассмотренных в данной статье. Наиболее рельефно они проступают в предании, записанном Сухаржевским: в нем, с одной стороны, присутствуют мотивы новеллистической сказки на семейные темы, а с другой — эпизоды церковно-книжной интерпретации новоторжской трагедии. При этом книжная составляющая предания объединяет оба вышеназванных видения: эпизод с попойкой Юрия через Карамзина восходит к пиру в Устюжских летописях, а детали убийства Иулиании заимствованы из «Сказания». Повидимому, сам пикантный характер истории Иулиании предопределил ее двоякую интерпретацию. При этом исторические обстоятельства происшедшего в Торжке убийства, его реальные мотивы вряд ли интересовали создателей и заказчиков летописных сводов, живших больше века спустя после гибели Симеона и Иулиании, тем более они были неактуальны для писателей и поэтов XIX века. Поэтому уже в первом авторском осмыслении новоторжской трагедии в

поэме А. М. Бакунина «Торжок» обе ее интерпретации оказались объединенными. Однако во всех рассмотренных произведениях именно «Сказание» является их сюжетообразующей основой — содержательным «каркасом», на который «нанизаны» элементы фольклорной и авторских версий новоторжских событий 1406 года.

Список литературы

1. *Бакунин А. М.* Собрание стихотворений / изд. подгот. М. В. Строгановым. Тверь: Золотая буква, 2001. 208 с.
2. *Владиславлев В. Ф.* Святая благоверная княгиня Иульяния Вяземская, местно чтимая в городе Торжке // Тверские епархиальные ведомости. 1883. № 23. Часть неофиц. С. 695–713; № 24. Часть неофиц. С. 731–745.
3. *Гадалова Г. С.* К вопросу о происхождении княгини Иулиании Новоторжской (Вяземской) // Род и семья в контексте тверской истории: Дворянские роды Тверской губернии: сб. науч. статей / ред. Т. И. Любина, В. В. Чижова. Тверь: Книжный клуб, 2009. Вып. 3. С. 5–11.
4. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб.: тип. Н. Греча, 1819. Т. V. 698 с.
5. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.
6. *Линдеман И. К.* Разбор сведений, сообщаемых Пальмквистом о Торжке. Тверь: тип. Губернского правления, 1905. 62 с.
7. *Лопатина Н. А.* Магнетизер князь Долгорукой // Новоторжский сборник. Вып. 4 / сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, В. В. Цыков; ред. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей; Тверь: СФК-офис, 2012. С. 39–57.
8. *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 283 с.
9. *Покровский Н. Н.* Афанасий // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 2, ч. 1. Л.: Наука, 1988. 515 с. URL: <http://www.molitvoslov.by/2014/afanasij-v-miru-andrej-mitropolit-moskovskij.html>
10. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 4. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
11. ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. 240 с.
12. ПСРЛ. Т. 11. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.
13. ПСРЛ. Т. 21, ч. 2. СПб.: тип. А. А. Александрова, 1913. 709 с.
14. ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. 250 с.
15. ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. 278 с.
16. *Скритиль М. О.* Литературная история «Повести о Иулиании Вяземской» // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. С. 160–175.
17. *Сухаржевский С.* Заметки о городе Торжке // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860–1861. Кн. IV. СПб.: тип. 2-го Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1862. С. 1–20 (5-я паг.).
18. *Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен. Кн. I, ч. I. М.: Имп. Московский ун-т, 1786. 262 с.
19. *Чуфарин В. М.* Улиания // Новоторжский сборник. Вып. 3 / сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов; ред. М. В. Строганов. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей; Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010. С. 77–94.
20. *Щербатов М.* История российская от древнейших времен. Т. IV, ч. I. СПб.: Имп. АН, 1781. 672 с.

Об авторе

КУЗНЕЦОВ Виктор Владимирович, кандидат филологических наук, независимый исследователь, г. Торжок; e-mail: tiveriada@yandex.ru